

Община коренного малочисленного народа манси
«Тагт махум» («Люди с Сосьвы»)
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок

II Шесталовские чтения

Материалы Международной
научно-практической конференции

г. Ханты-Мансийск,
2021

УДК 82.09(571.122)(063)

ББК 83.3(2Рос=Манс)

Ш 51

При реализации проекта использованы средства гранта Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом «Центр гражданских и социальных инициатив Югры» – оператором грантов Губернатора

Главный редактор

О. Ю. Динисламова

Редакционная коллегия

О. Ю. Динисламова, С. А. Герасимова, С. С. Динисламова

Ш 51 II Шесталовские чтения. Материалы международной научно-практической конференции / под ред. О. Ю. Динисламовой. – Тюмень: ООО «ФОРМАТ-72», 2021 – 204 с.

В сборнике представлены материалы международной научно-практической конференции «II Шесталовские чтения», посвященной памяти Ювана Шесталова, писателя, основоположника мансийской литературы, одного из самых ярких представителей народа манси, наследника уникального фольклорного богатства Югры. Конференция состоялась 20–24 июня 2021 года.

Статьи представляют интерес для специалистов, занимающихся проблемами изучения литературы, фольклора, языка, теории и практики перевода, материальной и духовной культуры, истории, краеведения, социальных проблем финно-угорских народов.

© Община коренного малочисленного народа манси «Тагт махум» («Люди с Сосьвы»), 2021

© Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок

© Коллектив авторов, 2021

© ООО «ФОРМАТ-72»

СОДЕРЖАНИЕ**ТВОРЧЕСТВО ЮВАНА ШЕСТАЛОВА
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

<i>Гаврилов В. В.</i> Реализация концепта <i>лес</i> в поэзии Ю. Шесталова	6
<i>Динисламова С. С.</i> «Ты Лили, ты моя душа». Тема любви в творчестве Ю. Шесталова	13
<i>Макарова М. Е.</i> Жизнеутверждающая философия Ювана Шесталова	23
<i>Минеева Л. А.</i> Практика реализации этнопедагогического потенциала творчества Ювана Шесталова	31
<i>Семёнов А. Н.</i> Творчество и творец в лирике Ювана Шесталова	41
<i>Чепкасов Е. В.</i> Литературные камлания как стихотворный жанр и шаманы-поэты в произведениях Ю. Н. Шесталова	53
<i>де Шамбург, Доминик Самсон Норман.</i> От упавшего с неба брата до признанного брата. Краткие пометки на полях мансийской литературы	66

**ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ
ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ. ОПЫТ.
ПРОБЛЕМЫ. ПЕРСПЕКТИВЫ**

<i>Зайцева Т. И., Максимова О. М.</i> Национальный образ мира в малой прозе Никвлада Самсонова	92
<i>Сироткина Т. А.</i> Учебные пособия по литературному краеведению как способ популяризации югорской литературы	102

Спицина А. С., Конева В. М.

Воспитательный потенциал повести

Е. Д. Айпина «Я слушаю землю» 107

Сязи В. Л. Образ воина в рассказе

«Божье послание» Е. Д. Айпина 111

ЯЗЫКИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

Герасимова С. А. Лексико-стилистические средства

в мансийских героических песнях 121

Динисламова О. Ю. Артефактивный код культуры

мансийской и русской фразеологии 128

Панченко Л. Н. Лексико-семантическое поле

боль, болезнь в мансийском языке 137

ПЕРЕВОД КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Костина К. Г. Особенности перевода залоговых конструкций

глагола с русского языка на удмуртский язык (на примере

произведения А. Сент-Экзюпери «Маленький принц») 142

Орлов В. Б. Проблемы художественно-литературного

перевода древне-мансийского фольклора

(на примере переводов вогульского героического эпоса) 145

МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ОБСКИХ УГРОВ И САМОДИЙЦЕВ

Гоголева Е. А., Гоголева Т. С. Космическая гостья Турвата,

или сохраняя сокровенное 159

<i>Егорова С. Б.</i> Мировоззрение и осмысление духовной культуры обских угров через обряды жертвоприношения	168
<i>Новыхова Е. П.</i> Люльки тегинских хантов	176

ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

<i>Бахтиярова Т. П.</i> Роль собаки в охотничьем промысле верхнелозьвинских манси	185
<i>Михайловский В. Л.</i> Этнологические, мифологические и научные аспекты в топониме «Самотлор»	190

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

<i>Динисламова Л. И.</i> Потребности изучения предметов с этнокультурной направленностью в общеобразовательных учреждениях ХМАО – Югры (по результатам социологического исследования)	196
---	-----

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ. ОПЫТ. ПРОБЛЕМЫ. ПЕРСПЕКТИВЫ

Национальный образ мира в малой прозе Никвлада Самсонова

Т. И. Зайцева

*Удмуртский государственный университет,
Ижевск, Российская Федерация,
uawoz@rambler.ru*

О. М. Максимова

*Удмуртский государственный университет,
Ижевск, Российская Федерация,
24otax@mail.ru*

Аннотация: статья посвящена изучению художественного мира рассказов удмуртского прозаика Никвлада Самсонова. Проанализированы особенности создания национального образа мира в его малой прозе, подробно рассмотрена связь мироощущения писателя с фольклором, выражаемая, прежде всего, в авторской идее единства человека и природы.

Ключевые слова: удмуртская проза, художественный мир, национальный образ мира, рассказ, автор.

Обзор различных определений понятия «национальный образ мира» проделан в статьях С. В. Шешуновой [12] и А. Д. Хуторянской [11], серьёзный анализ употребления этой категории в филологической науке представлен в монографии Т. Е. Смыковской «Национальный образ мира в прозе В. И. Белова» [9]. Обобщая в вводной части своей диссертации разнообразные формулировки и высказывания по проблеме «национальный образ мира», Т. И. Зайцева пишет, что «в отечественном литературоведении «как взаимозаменяемые используются понятия и выражения «картина мира»,

«образ мира», «модель мира», «художественный мир прозы», «картина поэтического мира», «мир писателя» и др. Главное же в «картине мира» или «образе мира», представленном литературой того или иного народа, – это связи и взаимоотношения человека и окружающего мира, человека и действительности, как бы эти связи не объяснились, какими бы изобразительными средствами не были выражены» [3, с. 7].

Владимир Яковлевич Самсонов (псевдоним Никвлад Самсонов, 1946–2002) – один из самых ярких и самобытных удмуртских прозаиков второй половины XX века, творчество которого «выросло» на традициях советских писателей-«шестидесятников» (В. Шукшина, В. Распутина, Ч. Айтматова, Г. Красильникова и др.). К сожалению, основные содержательные и структурные элементы художественного мира Никвлда Самсонова до сих пор остаются не изученными. Однако следует отметить, без их осмысления нельзя понять ни особенностей национального авторского миропонимания, ни творческую индивидуальность писателя в целом. Известный философ и культуролог Г. Гачев считает, что национальная картина мира большей своей частью находится в области мифопоэтического и подсознательно или интуитивно воссоздаётся в художественных образах и мотивах [2]. Мифотворческие поиски Самсонова наиболее отчетливо проявились в рассказах, где видны истоки будущих больших произведений, принесших писателю известность. В особенности это касается популярной повести «Адзон» («Рок»).

В профессиональную литературу Самсонов вошёл в 1976 г. со сборником рассказов «Чингыли гурьёс» («Серебристые колокольчики»). Проявившись как писатель малого жанра, он привлёк внимание критики сочетанием непосредственности и тонким чувством национального литературного языка, а также энергией мысли. Большая часть прозы Никвлда Самсонова 1970–1990-х гг. – новеллика, рассказ-миниатюра. Его произведения малой прозы тяготеют к циклизации. Новеллистический принцип организации материала обусловил свободную композицию самсоновских рассказов. Отсюда – естественная смена планов изображения и интонаций, стилистических и временных пластов. Не случайно критик А. Шкляев

справедливо отмечает, что сила творчества Никвлада Самсонова заключается в его рассказах [13].

Человек в произведениях Самсонова – «носитель прошлого» и «носитель национального характера» (Д. Лихачёв). Многие его произведения родились из желания сказать своим современникам, что каждый человек принадлежит к роду, нации, народу. Об удивительной способности писателя обращаться к конкретному читателю свидетельствуют рассказы, написанные на разных этапах его литературной деятельности и вошедшие в книги «Кызаузыос» («Севериха», 1980), «Капка аязд ньыль кызыпуэд» («У ворот четыре берёзы», 1987), «Шупудьёс бырдало» («Калина в наледи», 1990) и др. В избранном нами аспекте анализа рассказов Н. Самсонова важно отметить, с одной стороны, интерес писателя к народным ценностям, с другой, – многосторонний характер связей его творчества с фольклором. Действительно, стержнем, организующим всю художественную систему этого автора, является органическое взаимодействие литературного творчества с фольклором.

Если младописьменные народы сохраняют «два типа художественного сознания – мифологическое (фольклор) и аналитическое современное (национальная литература)» [5, с. 16], то Никвлад Самсонов, проникая в специфику народного жанра, соединяет жизненную конкретность и фольклорную условность. Стремясь художественно осмыслить первоосновы человеческого бытия, законы вечной справедливости, Самсонов обращается к образу героя, на котором лежит отпечаток его природной первоосновы. Персонажи самсоновских рассказов словно «просвечиваются» через природную призму, им свойственна постоянно ощущаемая слитность с миром («Макар Семи» – «Макаров Семён», «Небыт мусо киос» – «Мягкие милые руки», «Мертчан чушкон» – «Льяное полотенце» и др.). Почти в каждом рассказе незримо «за кадром» присутствует народная идея, согласно которой добро непременно одолевает зло. Это вытекает из самой сути миропонимания удмурта, считающего, что на смену любой тёмной ночи приходит рассвет. При этом высшая инстанция у Самсонова – память как особая форма времени, заключённая в сознание человека. Народно-поэтическое мировидение

писателя связано с формой выражения его мышления, особенностью которого является «синкретизм (неразличение, слитность), что достигается благодаря одухотворению (анимации) человеком всего окружающего его мира» [10, с. 270].

Н. Самсонов признавался, что импульс к созданию художественного произведения он часто получал из интуитивных прозрений. У него была особенно развита способность видеть обобщённый образ национальной действительности в отдельном человеке, в его поведении, жесте, движении, а также в каждом предмете, дереве, животном, растении. Во всём изображённом ощущаются традиции удмуртской культуры, мифологическая связь с прошлым.

В контексте рассуждений есть смысл обратиться к критике С. Залыгина, высказанной им в адрес «удмуртского рассказа» в 1979 г. в Ижевске на выездном заседании Совета по прозе правления Союза писателей РСФСР. Писатель отметил, что «описательность и увлечение количеством фактов, которое выражается в том, что не выбирается один основной или несколько главных факторов, а человек торопится сказать побольше об одном, о другом, о третьем, брать не качеством, а количеством фактов, то есть той же описательностью. <...>. Эта разбросанность меня утомляла во многих произведениях» [4, с. 146–147]. Никвлад Самсонов упорно осваивал жанры малой прозы. Трудясь над рассказами, переделывая их по несколько раз, писатель выработал важнейший компонент стиля – приём типизации, который эффективен в ткани коротких, предельно насыщенных, лаконичных текстов. В сущности, это означало тяготение к условности, символической образности, порождающей в художественном тексте ассоциативный фон, расширяющей его смысл и перспективу, углубляющей значение содержания.

Просматривая датировку произведений Самсонова, замечаешь, что творческий поиск постепенно вёл писателя к углубленному осмыслению эмоционально-пластических возможностей удмуртского языка, влияющих на жанрообразовательные процессы и жанровые трансформации в малой прозе. Так, в удмуртской малой прозе появляется новая структура – жанр короткого рассказа: «Чукна малпанъёс» («Утренние раздумья»), «Съольк» («Грех»), «Кызьпуос»

(«Берёзки»), «Кисыын нуллоно кадь» («В кармане бы носить»), «Ваньмыз умойлы» («Всё к добру») и др. Это своеобразные миниатюры, этюды, зарисовки, небольшие по форме, но ёмкие и значительные по мысли, сложные интонационно: комическое здесь переплетается с грустным, насмешливое с горьким. Главное – их содержанием являются человеческие чувства, незначительные события, яркие или необычные эпизоды из жизни. Самсоновский короткий рассказ создаёт впечатление того, что всё в мире взаимопроницаемо: человек, окружающая его природа, вещный мир не только взаимосвязаны, но и «взаимоотражаемы». В лирико-философском ключе писатель рассуждает о необратимости времени, о значении прошлого в жизни современного общества, о нарушенной связи природы и человека. К примеру, цитата из рассказа «Кызыпу кенакёс» («Берёзки»): «Есть и другие берёзы. Эти уже не устремляются в недоступные выси. Они живут как бы ссутулившись. У них и ствол, и крона распростёрлись по сторонам, вверх не стремятся. <...>. И лишь отойдя на некоторое расстояние, понимаешь: верхушки у них когда-то, ещё в пору молодости, кем-то были сломлены или срублены. Поэтому у них весь задор, вся тяга к небесам с молодых лет, а может, с самого детства загублены. Вот они и выглядят всю остальную жизнь такими забитыми. Разве не случается подобное и с людьми, с нашим братом...» [8, с. 81].

В процессе роста литературного мастерства для писателя всё более актуальным становится освоение сложных способов выражения авторской позиции. Ряд произведений построен как поток ощущений, воспоминаний, как поток сознания героев и, вместе с тем, как поток происходящих в течение дня или очень небольшого отрезка времени событий. Пропагандируя идею связи с народными корнями, он значительно усложняет раскрытие темы взаимосвязи человека с окружающим миром и природой, в рассказе появляется философский контекст, включающий героя, его внутренний мир и нравственные ориентиры в систему мироздания. Наглядным примером отмеченных выше особенностей малой прозы Никвлада Самсонова является рассказ «Буртчин кышет» («Шёлковый платок»). Сюжет рассказа предельно свёрнут – и в развитии действия,

и во времени, и в пространстве. Это всего лишь одни сутки, проведённые героем рассказа Василием наедине с собой в отцовском доме и в окрестностях родной деревни Дэндывай. Писатель создаёт образ деревенской майской ночи, в которой оттеняются самые характерные моменты: тишина и покой; густеющий туман и пение соловьёв; дорожка, ведущая к реке через огород; старые тополя. Пейзажная картина сама по себе реальна, имеет конкретный локальный смысл. Однако явления, вещи, детали, обрисованные в жизнеподобных формах, приобретают символическую. Весенние силы сельской природы воплощают бесконечность, необъятность жизни. Картины пробуждающейся земли, преломляющиеся в лирических настроениях автора и в восприятии героя, сливаются воедино, одновременно создавая впечатление красоты окружающего мира и полноты жизни, себя творящей. «В эти ночи, наверное, весна с летом в одном объятии сплетаются. Не успела ещё темнота на землю спуститься, да и голоса людей, скрип ворот, звуки об ведро доящегося молока ещё слышны, и на молочной Акаршурской ферме, что находится на другой стороне деревни, всё ещё однотонно гудят машины, а в тополиных ветвях уже кто-то, словно пастушьим кнутом, свистнул в воздухе. <...>. И разлилась соловьиная трель, очень похожая на то, будто птицы включились в совещание-собрание» (дословный перевод с удмуртского авторов статьи – Т. З., О. М.) [7, с. 58].

В рассказе Самсонова использован распространённый в мировой литературе (изобразительном искусстве, кинематографе и т. д.) мотив уходящей вдаль исхоженной тропы. Мотив дороги связан с важнейшими содержательными понятиями и удмуртского художественного сознания. В рассказе, помимо описания реальной дорожки, речь также идёт о душевном состоянии героя, его внутреннем пути к самому себе в поисках настоящего, истинного. В пейзаже рассказа особое значение имеет линия горизонта – встреча «края» земли с «краем» неба. С одной стороны, эта картина горизонта обращает читателя к земным заботам и чувствам человека, с другой – включает в произведение «скрытое от глаз» пространство, что наталкивает читателя на раздумья о первоосновах бытия.

В сознании разучившегося ценить радость жизни героя совершается поворот к пониманию бесконечных созидательных возможностей трудового человека на земле. В отличие от других произведений удмуртских авторов внутренний перелом в самсоновском герое происходит не под влиянием другого, более активного человека или определённых общественных сил, а под воздействием пережитого им ощущения гармонии с природой. Пережитое героем чувство своей неотделимости от окружающего мира даёт ему сознание внутренней полноты, иное понимание жизненных ценностей. Для писателя очень важно обнажить момент особенного напряжения очнувшейся человеческой души. Пейзажные метафоры Самсонова, отражая внутреннее состояние пробудившегося от суеты героя, символизируют неуловимость совершающихся от соприкосновения с природой в человеческой душе изменений. Изображён внешне незаметный переход приехавшего в отпуск в деревню, уставшего от городской суеты героя из одного состояния в другое.

Деревенский огород, дом с угольями, окружающая деревню природа обретают в рассказе «Шёлковый платок» черты мифопоэтического пространства. Здесь время и пространство неотделимы друг от друга; они образуют единый пространственно-временной континуум, мифопоэтический хронотоп (В. Н. Топоров). Миф связан с представлением о вечности. Свежевспаханые борозды, межа и тропинка, придающие огороду перспективу; поля, леса и луга, раскинувшиеся далеко за изгородью; речка, тополя вдоль реки; бездонное ночное небо, – всё это создаёт впечатление бесконечности пространства в рассказе. И одновременно эти же предметы, этот же мир создают ощущение остановившегося времени. Дом, огород, тополя, другие вещественные реалии окружающего мира предстают как бы застывшими в своём вечном внешнем виде, не подчиняясь течению времени. А с другой стороны – все вещи, все предметы, всё окружение героя восходят к его прошлому, к его детству и молодости. Время юности героя находит своё отражение в этих предметах. Таким образом, возвращение домой, соприкосновение с природой дают герою возможность остановиться, оторваться от потока непрерывных городских дел, заглянуть в себя. Пойманные мгновения бытия

обостряют и одновременно обобщают ощущения героя, осознавшего, что миг и вечность едины, мгновение заключает в себе всё, что сохранила и должна сохранить вечность.

Фольклорно-поэтический способ видения действительности роднит самсоновскую прозу с отечественной «деревенской» литературой XX в., с её общим архетипическим каноном Деревни, мотивом возвращения. «Этой грани архетипа – Деревня как ностальгия – свойственна ретроспективная модель развития, которая особенно явно обозначилась в «деревенской прозе» 1960–1990-х гг., где одной из главных сюжетных основ стал мотив возвращения в родное село (мысленное, в мечтах или в реальной действительности)» [1, с. 15].

С обострившимся чувством причастности к родному в самсоновских героях происходит живительный «рост души», возрождение её лучших качеств. Однако в ряде рассказов глубинные связи человека с первозданной природой теряются, герой утрачивает то, что пришло от предков. Щемящей грустью дышит рассказ «На родине в июле», описывающий исчезновение многих примет вечности: «Там, где недавно потух закат, то вдруг ярко засветится что-то, то вновь затянется синей мглой. Говорят, это отворяются и затворяются небесные врата, проливая на людей золотой дождь счастья. Видно, кто-то его заслужил. <...> Хорошо лежать на копёнке сена и глядеть в вышину... – забвение, покой. Всё здесь изначально-родное, ты погружаешься, растворяешься в нём, ты – частица протекающей здесь, обволакивающей тебя жизни» [6, с. 354]. Речь идёт о стремлении вернуть современному человеку утерянное «чувство природы». «Но вдруг эту отрадную, блаженную тишину пронзил и разметал рокошущий, оглушительный рёв. Конечно, самолет, такой в эту ночь неуместный» [6, с. 354].

В драме вырванных из привычной среды героев Никвлада Самсонова («Лыз налличникъёс» – «Синие налличники», «Окыль» – «Акулина», «Чоръяло атасъёс Чунышшурын» – «Поют петухи в Чунышшуре» и др.) критика нередко усматривала патриархально-консервативную тенденциозность удмуртского писателя. Потребовались годы, чтобы стал понятен смысл самсоновской концепции человека. Наряду с воспеванием беспримерного крестьянского

трудолюбия, чистосердечия и бескорыстия в прозе Самсонова настойчиво звучит мотив сохранения голоса природы в самом человеке. Разрыв исторических связей, единства человека и мира природы – реально прочувствованная писателем угроза, выросшая сегодня в глобальную проблему.

Литература

1. Большакова А. Ю. Нация и менталитет: феномен «деревенской прозы» XX века. М.: Ком. по телекоммуникациям и средствам массовой информ. Правительства Москвы, 2000. 132 с.
2. Гачев Г. Д. Космо-Психо-Логос: национальный образ мира. М.: Акад. Проект, 2007. 510 с.
3. Зайцева Т. И. Удмуртская проза второй половины XX – начала XXI века: человек и мир, эволюция, особенности художественного воплощения: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.01.02. Саранск, 2009. 46 с.
4. Залыгин С. П. О путях национальной прозы // Современная удмуртская проза: ст., рецензии, обзоры / сост. Т. А. Полторацкая; науч. ред. А. Г. Шкляев. Ижевск: Удмуртия, 1981. С. 145–154.
5. Пахомова М. Ф. Эпос молодых литератор. Л.: Наука, Ленинград. отд-ние, 1977. 106 с.
6. Самсонов В. Я. Хороводы. На родине в июле // Самсонов Н. Мой дом выше твоего: повести, рассказы; пер. с удмурт. А. Верещагиной. Ижевск, 1995. С. 353–355.
7. Самсонов Н. Агбай: веросьёс, повестьёс, роман [Агбай: рассказы, повести, роман]. Ижевск: Удмуртия, 1996. 416 с.
8. Самсонов Н. Веросьёс = Рассказы / пер. с удм. Вл. Емельянова, В. Болтышева и А. Верещагиной. Ижевск: Удмуртия, 2002. 136 с.
9. Смыковская Т. Е. Национальный образ мира в прозе В. И. Белова: монография. М.: Флинта: Наука, 2010. 153 с.
10. Телегин С. М. Мифореставрация // Открытый урок по литературе: (планы, конспекты, материалы): пособие для учителей / ред.-сост.: Карпов И. П., Старыгина Н. Н. 3-е изд. М.: Московский лицей, 2001. С. 267–272.

---

11. Хуторянская А. Д. Параметры художественной картины мира в литературоведении // Картина мира в художественном произведении: Материалы Международной научной интернет-конференции, 20–30 апреля 2008 г. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2008. С. 3–5.

12. Шешунова С. В. Национальный образ мира как категория этнопоэтики русской словесности // Евангельский текст в русской литературе XXIII – XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. научных трудов. Вып. 5. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2008. С. 5–16.

13. Шкляев А. Г. Пичильтык жанрен трос вералоз [В малом жанре умеет говорить о многом] // Инвожо. 1996. №11/12. С. 26–27.